

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 281.93:19/930.1

А. В. Ананина

ГРИГОРИАНСКИЙ РАСКОЛ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1930–1990-Х ГОДОВ

Анализируются отечественная (советская) и зарубежная историография 1930–1990-х гг., посвященная григорианскому расколу в Русской православной церкви второй четверти XX в. По результатам анализа позиций ученых делается вывод об общих особенностях подхода историков к исследованию григорианского раскола.

Ключевые слова: историография, Русская православная церковь, внутрицерковная борьба, тихоновская церковь, староцерковники, григорианский раскол, архиепископ Григорий (Яцковский), патриарший местоблюститель, митрополит Сергей (Страгородский).

Для Русской православной церкви (РПЦ) вторая четверть XX в. стала разрушительным и трагическим периодом. В лоне церкви возникли разные взгляды на дальнейшее взаимоотношение с новой атеистической властью, управление и устройство церковного организма, деятельность священства на церковно-приходском поприще, на основе которых образовались различные церковные течения, как правило возглавляемые архиереями и обозначаемые большинством исследователей как расколы.

Одно из таких течений сформировалось в декабре 1925 г., когда в Донском монастыре под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория Яцковского состоялось совещание из 10 архиереев, которые временно приняли на себя ответственность за положение дел в тихоновской церкви и создали управленческий орган – Временный высший церковный совет (ВВЦС). Данное церковное собрание в научной литературе получило наименование григорианского раскола. Григорианский раскол давно привлекает внимание исследователей, ведь без его изучения невозможно глубокое понимание и целостное представление крайне сложного внутреннего состояния РПЦ, в 1930–1940-х гг. столкнувшейся с разногласиями в определении персоны на место первоиерарха и проблемами сохранения единства.

В настоящее время дискуссии вокруг истории РПЦ Сибири первой половины XX в. [1], подлинная оценка которой невозможна без изучения григорианского раскола, постепенно начинают набирать силу. В первую очередь это связано с обращением историков к личным архивам и воспоминаниям, к фондам научных библиотек и государственных архивов, публикации и документы которых стали доступными в последние 20 лет, что позво-

ляет выявлять пробелы в историографии 1930–1990-х гг. и объективно освещать проблему. С другой стороны, вопросы «расколотости» и сохранения единства поместной церкви на историческом пространстве первой половины XX в. – начала XXI в., в свое время заботившие российскую православную эмиграцию 1950-х г. [2], остаются одними из острых, порой не разрешенных дилемм современности, которые требуют глубокого и объективного изучения, анализа и осмысления как на глобальном, так и локальном уровне.

Изучение внутрицерковных проблем 1930-х гг. (расколов, распрей и борьбы в лоне РПЦ) начинается еще в советский период. В то время указанные проблемы рассматривались историками с позиции эксплуататорской сущности религиозных организаций, контрреволюционной и антисоветской деятельности духовенства. Выработанная позиция существовала в исторической науке на протяжении 60 лет и диктовала негативное отношение к РПЦ.

В 1930-х гг. научные исследования по истории церкви проводились и публиковались под контролем краевых советов союза воинствующих безбожников, поэтому работы носили ярко выраженный публицистический пропагандистский характер, а целью их была дискредитация церкви, снижение ее роли в жизни общества и в сознании человека (концепция воинствующего атеизма). На фоне пропагандистских работ К. П. Абросенко [3] и Д. В. Дягилева [4], изначально рассматривающих церковь как врага, выделяется публикация А. Долотова [5].

Будучи современником церковных разногласий, А. Долотов по горячим следам анализирует состояние церковных группировок Западной Сибири (обновленческих и тихоновских), социаль-

ный и количественный состав этих течений, политические взгляды и сословное происхождение их руководителей. Исследователь разделяет тихоновское течение на несколько групп. К первой он относит «часть епископата во главе со свердловским епископом Григорием», которая, по мнению автора, пошла «на путь признания советской власти, образовав новое тихоновское течение, так называемое григорьевское». Во вторую группу он объединяет «часть попов-тихоновцев во главе с заменившим Тихона Сергием», которая «в отношении признания власти пошла дальше григорьевцев и даже стала молиться в церквях за власть». Это течение получило название «сергиевцев». Часть тихоновских приходов, не пожелавших подчиниться ни одному из существовавших епархиальных управлений и породивших группу самоуправляющихся церквей, он называет автокефалистами [5, с. 37].

Также А. Долотов предлагает «схему административного управления православных религиозных течений: обновленцев, сергиевцев и григорьевцев» [5, с. 35], в которой он допускает неточности в названии центрального григорианского управленческого органа, именуя его «временным церковным управлением, или (кратко) ВВЦУ», и не включает в область распространения григорианских взглядов территорию Кузнецкого округа [5, с. 37]. Исходя из представленных в работе статистических данных, количества тихоновских и обновленческих приходов в Сибирском крае по округам за 1924–1929 гг., григорианские приходы занимали не первое место среди обозначенных течений. Приведенные цифры представляют интерес для современных историков, являясь материалом для сравнения с результатами современных исследований, проведенных на основе изучения вновь открытых архивных документов. Причины несостоятельности тихоновских церковных течений историк видит в их ожесточенной борьбе как между собой, так и против обновленчества, «за сохранение своего влияния на массы», поэтому вражда внутри церкви, по мнению автора, «с самого ее начала фактически приняла форму борьбы за приходы» [5, с. 37].

В целом оценка внутрицерковных событий 1930 г. нередко имеет декларативный характер, так как все свои высказывания А. Долотов подтверждает либо документами сомнительного происхождения (цитатами из анонимных писем приверженцев того или иного течения, не имеющих ни автора, ни даты), либо вообще не указывает источник происхождения информации. Так, не подтверждается документально вывод «о признании григорьевцами и сергиевцами советской власти», представленные цифры (количественное распределение

приходов между группировками) и схема административного управления течений. Все это предопределило упрощенность, иллюстративность и фрагментарность исследования.

В годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1940–1950-е гг.) политический курс государства в отношении РПЦ изменяется в сторону смягчения, однако исторические изыскания в области истории РПЦ, а тем более проблематика внутрицерковных отношений 1920 г. – начала 1940-х г. остаются неактуальными в научных кругах.

Лишь в 1960-е гг. происходит формирование специфического академического стиля и активизация советских исследователей в русле церковной истории: философами и историками-атеистами создается ряд теоретических работ, методических рекомендаций для лекторов и брошюр разоблачительного и агитационного характера (раскрытие реакционной сущности идеологии церкви и ее враждебности коммунистической морали), в рамках которых истории православной церкви в СССР отводится крайне незначительное место. Например, М. Г. Кириченко [6] акцентирует внимание на вопросах свободы совести и вероисповедания, политическом и правовом положении РПЦ в СССР. Контрреволюционная и антисоветская деятельность патриарха Тихона (Белавина) в первые годы становления советской власти и период изъятия церковных ценностей, приспособленческая деятельность «демократически настроенного» духовенства к новым социальным условиям в виде обновленческого движения, Декларация 1927 г. митрополита Сергия (Страгородского), призывавшая духовенство пересмотреть свое отношение к советской действительности, занимают в публикациях Г. Т. Уткина [7], группы историков под руководством Н. С. Гордиенко [8], Р. Ю. Плаксина [9], Ф. Е. Грекулова [10], В. М. Ушакова [11], И. Михалева [12] ведущее место.

Однако в поле зрения историков попадают и проблемы возникновения объединенных групп духовенства вокруг видных церковных лидеров. Говоря о тихоновской церкви, В. М. Ушаков объединяет в это понятие духовенство, сплотившееся вокруг первоиерарха Тихона (Белавина) и противопоставляющее себя радикально настроенным обновленцам, которые «быстро потеряли свое влияние, когда тихоновцы встали на путь признания Советской власти» [11, с. 48]. Группа епископов, примкнувшая к управлению заместителя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) и избравшая курс «соглашательства с властью», в книге И. Михалева получила название «Московской патриархии» [12, с. 28].

Вместе с тем, хотя проблема нестабильности внутри РПЦ в 1930-е г., напрямую связанная с оформлением расколов в тихоновской церкви, рассматривается в публикациях историков 1960 г., работы исследователей зачастую не богаты фактическим материалом. Источниками, подтверждающими их выводы о «лояльности тихоновцев к советской власти», «курсе соглашательства с властью сторонников митрополита Сергия (Страгородского)», служат издания публицистического и пропагандистского характера, такие как «Русская православная церковь» (1958), «Религия без маски» (1959), «Правда о религии» (1960), «Правда о религии в России» (издательство Московской патриархии, 1962). Узость источниковой базы привела к неточностям в датировке возникновения тихоновских течений, характерным как для работ И. Михалева, так и для работы В. М. Ушакова: «это послание», то есть Декларация 1927 г., по мнению В. М. Ушакова, «вызвало новые расколы в церкви – григорианский, иосифлянский, викторианский, даниловский и другие, которые возглавили видные иерархи, недовольные политикой митрополита Сергия в отношении советской власти. Большое влияние на верующих эти течения не имели и вскоре сошли на нет» [11, с. 49]. В настоящее время историками принято считать временем оформления григорианского раскола 1925 г., о чем напишут позднее советские исследователи в 1970–1980-х гг. В целом в публикациях исследователей можно увидеть стремление авторов показать, что переход православных пастырей под руководством митрополита Сергия (Страгородского) с позиций антисоветской настроенности на позиции лояльности и признания нового строя был вынужденной необходимостью, осознаваемой не всеми, что, в свою очередь, стало причиной оформления расколов в тихоновской церкви.

Взгляды, характерные для работ историков-религиоведов 1960-х гг., получили свое распространение в публикациях 1970–1980-х гг. На этом этапе продолжали издаваться книги философского и обзорного формата, рассчитанные на партийных и советских работников, преподавателей учебных заведений, пропагандистов и широкого круга читателей в целях противодействия «религиозно-клерикальной пропаганде» и распространения атеистического знания.

Центральными темами публикаций историков (В. Е. Титова [13], Х. Н. Момджян [14], Г. А. Носова [15], Н. С. Гордиенко [16–20], Н. П. Красникова [21–23], А. А. Сухих [24]) являлись трансформация православных догматов, сущность обрядов и культа святых, анализ целей проповеднической деятельности, соотнесение научного знания и коммунизма с православным вероучением. Изменение

уровня религиозности в сознании трудящихся масс, правовое положение церкви в СССР и реализация советского законодательства о свободе совести и вероисповедования исследовались в работах историков В. А. Куроедова [25] и Ю. А. Розембаума [26]. Среди рассматриваемых вопросов одно из ведущих мест занимают проблемы «эволюции и модернизации православия», переориентации и лавирования церкви в зависимости от происшедших в стране социальных, экономических и политических процессов (П. К. Курочкин [27], Н. С. Гордиенко [28], Б. А. Лобовик [29]).

В переходе РПЦ «на позицию лояльного отношения к Советской власти», начало которому было положено посланием митрополита Сергия (Страгородского) от 29 июля 1927 г., П. К. Курочкин видит «первый решительный шаг православия по пути эволюции применительно к новым социальным условиям». На его взгляд, эволюция русского православия – это сложный и противоречивый процесс, таящий в себе возможность отрыва церковного института от верующих масс и возникновения церковного раскола. «Общецерковный курс на приспособление и модернизацию в духе времени» вырабатывается, по мнению исследователя, «в борьбе обновленцев и традиционалистов, новаторов и консерваторов, представляющих собой различные тенденции в русском православии», при этом «консервативная часть клира и епископата видит лишь разрушительные последствия приспособления веры и возражает против него» [27, с. 6–8].

Ссылаясь на публикацию П. К. Курочкина, Н. С. Гордиенко продолжает заданную им тенденцию. Начало приспособления церкви к существованию в новых социальных условиях, по мнению Н. С. Гордиенко, было положено группой, объединившейся вокруг митрополита Сергия (Страгородского), позиция которого, изложенная в Декларации 1927 г., стала для русского духовенства нормой церковной жизни и одним из методов борьбы с обновленческой церковью. «Вслед за обновленцами стали менять свои взгляды на Советскую власть и староцерковники-тихоновцы», делая это поэтапно, итак, «активная поддержка Церковью внутренней и внешней политики Советского правительства», со слов Н. С. Гордиенко, «пришла не сразу, а в процессе эволюции»: от простой лояльности по отношению к новому строю («принятие Советской власти как наличной реальности, без выявления своего отношения к ее внутренней и внешней политике») до патриотических позиций в годы ВОВ [28, с. 21–23].

Проблемы взаимоотношений Московской патриархии в лице митрополита Сергия (Страгородского) и «эмигрантской религиозной организации»,

кульминацией которых стал окончательный разрыв и образование карловацкого раскола (конец 1920-х гг.), исследовались авторами во главе с Н. С. Гордиенко [30, 31] с позиции «антисоветской деятельности русской зарубежной церкви» и как отдельный объект вне внутрицерковной борьбы между тихоновскими течениями. Поэтому в рамках данных работ историки не затронули вопросы, касающиеся григорианского раскола.

Одним из первых авторов, начавших всестороннее изучение обновленческого движения и проводимых его сторонниками церковных реформ, параллельно затрагивая вопросы зарубежного церковного раскола, автономии и автокефалии местных церквей, является А. А. Шишкин [32], работа которого «Сущность и критическая оценка „обновленческого“ раскола Русской Православной Церкви» заслуживает отдельного внимания.

Исследуя динамику обновленческого раскола, А. А. Шишкин особое внимание уделяет внутрицерковной борьбе между сторонниками обновленческой и тихоновской группировкой (староцерковниками). Автор определяет политический и идейно-церковный (канонический) рубежи, которые окончательно разделили «старую, тихоновскую и новую, обновленческую церкви». Однако за указанными рубежами исследователь видит иную причину противостояния – борьба за приходы, верующие массы, церковную кассу, которая к 1927 г. завершилась не в пользу обновленчества.

Рассматривая вышеперечисленные проблемы, А. А. Шишкин не оставляет без своего внимания «эволюцию тихоновской церкви» и посвящает этому аспекту целую главу – «Раскол в стане староцерковников. Продолжение внутрицерковной борьбы. Победа сергиевцев». По мнению историка, причина внутрицерковной анархии, возникшей после смерти патриарха Тихона (Белавина), крылась не в отсутствии преемников патриаршей власти, а в чрезмерно большом числе местоблюстителей патриаршего престола и их заместителей. Автор работы выделяет три противоборствующих друг другу лагеря, к числу которых относит ВВЦС во главе с архиепископом Григорием (Яцковским) и иерархов-автокефалистов, не желавших признавать единоличную власть митрополита Сергия (Страгородского), изданные им документы, в том числе Декларацию 1927 г., и созданный церковный орган – Синод, боясь, что последний «сдвинет патриаршую церковь со старых враждебных позиций по отношению к Советскому государству на новые, действительно лояльные позиции и тем самым сблизит патриаршую церковь с обновленцами» [32, с. 293–294].

Описывая начальный этап становления григорианского раскола (1925–1927 гг.), А. А. Шишкин

вводит в научный оборот ранее не используемые публикации архиепископа Григория (Яцковского) и сторонников ВВЦС, а также их оппонентов (сведения из церковных вестников и епархиальных ведомостей, «Журнала Московской патриархии»), документы государственных архивов: письма и послания, адресованные друг другу сторонниками того или иного церковного течения; положения первых григорианских съездов, отражающие их истинные цели (принцип соборности) и недоброжелательные (порой враждебные) взаимоотношения с другими церковными группировками и т. п.

Анализируя материал, А. А. Шишкин приходит к выводу что «создание ВВЦС было свидетельством протеста известной части иерархов-староцерковников против единоличного управления церковью», при этом видит в их коллегиальном управлении «ликвидацию патриаршего (монархического) управления и введение в него демократизма». Однако историк относит деятелей ВВЦС к реакционным тихоновским иерархам и инкриминирует последним самочинность и обманную деятельность, так как они, по его мнению, стремились «заполучить себе право канонической преемственности церковной власти от самого патриаршего местоблюстителя», к числу которых он относит «приверженцев старого строя» (кулаков, бывших торговцев и старую интеллигенцию) [32, с. 294–295, 313].

А. А. Шишкин предпринял попытку исследовать проблему раскола тихоновской церкви и на региональном уровне, перечисляя те епархии, в том числе сибирские, которые вначале приняли автокефалию, а потом примкнули к лагерю сторонников ВВЦС в силу своей растерянности, возникшей благодаря новому политическому курсу митрополита Сергия (Страгородского), а также смущенные частой сменой местоблюстителей патриаршего престола. К сожалению, исследование григорианского раскола на локальном уровне у А. А. Шишкина не получило дальнейшего развития.

Однако в последующие годы исследовательская деятельность, касающаяся внутрицерковных проблем, постепенно уходит с российского уровня на региональный. Для написания работы по истории церкви в Западной Сибири сибирский историк И. Д. Эйнгорн [33] пользуется местной церковной и антирелигиозной периодической печатью, а также документальной базой центральных и сибирских архивов. При этом наряду с общими закономерностями (непринятие лояльного политического курса митрополита Сергия (Страгородского) он выделяет специфические особенности – широкое распространение оппозиционных групп староцерковников, к которым автор относит григорианцев и автокефалистов, утвердив-

шихся на территории Сибири к 1928 г. Определяя принадлежность к церковному течению по количеству и социальному статусу, И. Д. Эйнгорн, так же как и А. А. Шишкин, к сергиевской группе относит верующих трудящихся, составляющих большинство, к «григорианским и автокефальным церковникам» – кулачество, нэповскую буржуазию, остатки враждебных классов, буржуазную интеллигенцию.

В целом можно констатировать, что общей чертой исследований 1960–1970-х гг. является изучение проблем дробления тихоновской церкви на течения в русле внутрицерковной борьбы 1930-х гг. Именно этот подход лег в основу работ историков 1980-х гг. Так, И. А. Кривелев [34] в своей публикации называет главу, посвященную данной проблеме, «Внутрицерковная борьба. Консолидация Московской патриархии». М. С. Корзун [35], именую главу своей работы «Образование Московской патриархии. Рост атеизма в СССР», делит ее на несколько частей: «Анархия в лагере староцерковников», «Обращения Сергия к церкви и верующим», «Церковные противники сергиевской декларации».

Придерживаясь единой позиции, И. А. Кривелев и М. С. Корзун считали основополагающей целью в борьбе между тремя тихоновскими течениями (сергиевцами, григорианцами, автокефалистами) стремление отдельных иерархов «захватить власть во всей Православной Церкви» [34, с. 60] и «стать верховным правителем Церкви» [35, с. 69]. И. А. Кривелев отмечает факт консолидации духовенства и мирян вокруг митрополита Сергия (Страгородского) по причине его лояльной власти политической линии и умелого лавирования между церковными группировками. По его мнению, «к началу 1928 г. осталась одна группа староцерковного духовенства, противостоящая Сергию и объединявшая вокруг себя все остатки наиболее реакционных последышей тихоновщины. Во главе ее стоял митрополит ленинградский Иосиф (Петровых)» [34, с. 61]. В число адептов данной группы сторонники григорианского течения не входили. М. С. Корзун, обвиняя григорианцев в провоцировании в храмах «потасовки непристойным и хулиганским поведением», пишет о публичном отмежевании митрополита Сергия (Страгородского) от «неразумных пастырей» и осуждении им «внутренних врагов Московской патриархии» [35, с. 70, 74].

В конце 1980-х гг. историк Н. С. Гордиенко [36, 37], продолжая исследования внутрицерковной борьбы 1930-х г. в русле, заданном А. А. Шишкиным, сходится во мнении с последним, что иерархи, придерживающиеся тихоновской ориентации, выступали против патриаршей формы правления, а следовательно, против патриаршего местоблю-

стительства митрополита Сергия (Страгородского) и его единоличного руководства. Кроме того, Н. С. Гордиенко отмечает, что «ВВЦС засвидетельствовал совершенную законопослушность правительству СССР, а государство не чинило препятствий деятельности новообразованного церковного центра тихоновцев. Между тем опирался ВВЦС на ту часть епископата и духовенства, которая лишь на словах была лояльна к Советской власти, а на деле оставалась враждебной по отношению к новому строю», что привело к их постепенному изживанию к началу 1940-х гг. [36, с. 636–637].

В целом проблема григорианского раскола историками 1970–1980-х гг. рассматривается наряду с обновленческими и другими тихоновскими течениями преимущественно в контексте внутрицерковной борьбы 1930-х гг. за рычаги управления Церковью и против единоличного руководства митрополита Сергия (Страгородского). Вместе с тем был поднят вопрос и о главном принципе григорианства – соборности (коллегиальности), конструктивный анализ которого советскими историками проведен не был, в результате чего последние пришли к выводу о том, что григорианцы выступали против патриаршей формы правления (к такому же выводу в своей книге придет их современник и соотечественник митрополит Иоанн (Снычев). В основе работ лежит четкая установка – показать правильность политической позиции митрополита Сергия (Страгородского) и показать дискредитирующее положение григорианцев: принадлежность к их рядам антисоветских и буржуазных элементов, их враждебное отношение к советской власти, непристойное поведение. Встречаются в публикациях и утверждения о законопослушности и лояльности григорианцев в отношении советской власти, однако они, как правило, не подтверждаются конкретными источниками (официальными документами, воспоминаниями, перепиской и т. п.). Необходимо отметить, что историки расходятся во мнении о времени «изживания» григорианского раскола, так как григорианство периода после 1928 г. детально исследовано не было.

Особым направлением изучения григорианского раскола является церковная историография. Для изучения оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому) в 1920–1930-х гг., представляющей собой «правые иерархические уклоны или церковно-религиозные расколы», важную роль сыграла диссертация церковного историка митрополита Иоанна (Снычева) [38], впервые изданная в 1965 г. и написанная по материалам и под руководством митрополита Мануила (Лемешевского), на которую впоследствии неоднократно ссылались как советские историки, так и зарубежные исследователи 1970–1980-х гг.

Преследуя цель подробно изложить историю противодействий митрополиту Сергию (Страгородскому) и дать каноническую оценку этим действиям, митрополит Иоанн (Снычев) посвящает изучению григорианского раскола целую главу (наряду с рассмотрением таких расколов, как ярославский, иосифлянский, викторианство, оппозиция митрополита Казанского Кирилла (Смирнова). В рамках работы митрополита Иоанна впервые был затронут ряд спорных и дискуссионных вопросов: главные причины, породившие григорианский раскол, становление, кульминация, уход на самостоятельную стезю (локальный уровень), ликвидация раскола и, самое главное, каноническая оценка этого явления.

Являясь представителем Московской патриархии и лицом, поддерживающим эту церковную юрисдикцию, митрополит Иоанн (Снычев) разделял взгляды и проводимую политику будущего патриарха Сергия (Страгородского), в связи с чем в книге ярко прослеживается негативное отношение к григорианскому расколу, его основателю и сторонникам, стремившимся, по мнению церковного историка, к созданию «Синодального управления Русской Церковью, а это, в свою очередь, вело к уничтожению Патриаршества» [38, с. 18]. Сущность григорианского раскола автор видит в том, что григорианцы не хотели «признать канонической власти ни за митрополитом Сергием, ни даже за митрополитом Петром и, несмотря на то что сами они насильственным образом восхитили права первоиерарха Поместной Церкви, признали свой орган ВВЦС как единственно правомочный орган Управления Русской Православной Церкви» [38, с. 11–12]. Главную причину разрушения дела ВВЦС митрополит Иоанн (Снычев) видит в уходе григорианских вождей с арены церковной борьбы. Немаловажной особенностью диссертации митрополита Иоанна является определение церковным историком географических границ раскола – указание перечня григорианских епархий, в том числе на территории Сибири, перечисление и изложение кратких характеристик архиереев, примкнувших к расколу, в рядах которых состоял Томский архиепископ Дмитрий (Беликов).

Несмотря на ярко выраженную антигригорианскую позицию, ценность работы митрополита Иоанна (Снычева) состоит во введении в научный оборот большого пласта документов григорианских съездов, переписки, указов и распоряжений григорианского священства, основная масса которых представлена в полном объеме, что дает возможность для их дальнейшей интерпретации.

Определенный вклад в изучение внутренних катаклизмов церкви 1920–1930-х гг., рассматриваемых

в русле церковно-государственных взаимоотношений, внесли зарубежные авторы 1970–1980-х гг., к числу которых относятся как светские историки-диссиденты, так и церковные исследователи-эмигранты. Объединяющим элементом работ является тезис о «трагическом периоде отечественной церковной истории – времени невиданного прежде в России гонения на Церковь».

Впервые изданная на русском языке в США (1967 г.) книга протоиерея Димитрия Константинова [39] написана не только по разного рода источникам, но и по собственным воспоминаниям автора, современника и свидетеля событий, происшедших «на религиозном фронте в СССР»: изъятия церковных ценностей, деятельности обновленческого движения, церковной смуты конца 1920-х гг., связанной с известной Декларацией 1927 г. митрополита Сергия (Страгородского). Д. Константинов предлагает нашему взору три точки зрения на данный документ: первая – категорическое и абсолютное отрицание акта митрополита Сергия, рассматриваемого как величайший грех против внутренней церковной правды; вторая – основанная на том, что, по существу, декларация митрополита Сергия ничего не изменила в то время во взаимоотношении церкви и государства, церковь, как «сергиевская», так и та ее часть, которая отказалась идти за ним, остались обе гонимыми; третья позиция – это полное принятие декларации митрополита Сергия как необходимого акта церковной политики [39, с. 15–16]. При этом историк в своих исследованиях придерживается второго, более демократического мнения, отмечая, что противники политики митрополита Сергия (Страгородского) подверглись репрессиям больше, в результате чего к 1937 г. на свободе не осталось ни одного «несергиевского» епископа. К сожалению, григорианский раскол даже в рамках поставленных проблем в публикации отдельно исследован не был.

Историк Л. Регельсон [40], книга которого впервые была издана во Франции в 1977 г., ссылаясь на труд своего современника и «брата по вере» митрополита Иоанна (Снычева), а также используя информацию частных архивов, воспоминания, неопубликованные рукописи и заграничные издания, приходит к выводу о неправильности политического выбора местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского). По мнению Л. Регельсона, ошибка последнего заключалась именно в том, что он не последовал указу патриарха Тихона (Белавина) от 1920 г., допускавшему возможность ликвидации патриаршего управления и создания автокефальных церквей, а всю свою энергию и ум направил к тому, чтобы сохранить центр, которому бы епископы подчинялись, путем согласования деятельности с властями [40, с. 618].

Решительное неприятие и критика этой деятельности, лишенной бесспорной канонической законности, является главным тезисом книги Л. Регельсона. На протяжении всего своего труда автор не скрывает своей симпатии к «анти-сергиевской оппозиции 1920–1930 гг.», а именно иерархам-автокефалистам и «непоминающим» (митрополиту Казанскому Кириллу (Смирнову)).

При этом жесткой критике историк подверг деятельность не только обновленцев и сергиевцев, но и сторонников григорианских взглядов, расценивая созданный ими ВВЦС как «фальшивый центр церковного управления». «Узурпаторские цели ВВЦС стали вполне очевидными, после того как членам ВВЦС обманным путем удалось добиться от митрополита Петра (при свидании в тюрьме ГПУ) резолюции о передаче временного управления коллегии из трех архиереев» [40, с. 104–105]. Как и церковный историк И. Снычев и советский историк А. А. Шишкин, Л. Регельсон обличает григорианцев в обманных методах, ложных способах и канонических ошибках. В исследовании григорианского раскола зарубежный историк не продвинулся дальше, чем его советские историки-современники, находящиеся по другую сторону границы. Ход борьбы митрополита Сергия (Страгородского) с григорианским ВВЦС, тем более сущность и эволюция данного течения остались не интересными для зарубежного историка и не получили, к сожалению, детального изучения.

Коллективный труд «Трагедия Русской церкви 1917–1945 гг.» посвящен преимущественно истории русского епископата в послереволюционный период, раскрывает бескомпромиссное взаимодействие иерархов РПЦ, которое привело к трагическому положению в церкви – расколу. В книге практически отсутствуют данные о жизни и взглядах рядового духовенства и приходских общин и о том, как они относились к спорящим между собой епископам различных течений патриаршей церкви и обновленчества.

В целом вопрос григорианского раскола в работах зарубежных историков 1970–1980-х гг. рассматривается в основном в рамках противостояния тихоновских иерархов и проводимой церковной политики митрополита Сергия (Страгородского). Однако указанные исследования историков интересны тем, что они показывают внутреннюю церковную атмосферу и положение церкви, на почве которых пришлось возникнуть григорианству, а также дают возможность, сопоставляя идеологические взгляды деятелей церковных течений 1930-х гг., объективно определить и оценить идейность григорианского раскола.

Итак, в отечественной (советской) и зарубежной историографии 1930–1990-х гг. проблема григорианского раскола не стала объектом целенаправленного и детального изучения, а в основном рассматривалась в рамках общих внутрицерковных проблем и государственно-церковных взаимоотношений. Исключение составляют публикации церковного историка митрополита Иоанна (Снычева) и советского историка А. А. Шишкина, которые впервые ввели в научную среду ранее неиспользуемые документы по истории григорианского раскола, ставшие базой для дальнейших изысканий в означенной области, интерес к которым возрастает на современном этапе. Вместе с тем именно в 1930–1990-е гг. определился круг проблем изучения григорианского раскола: проблемы борьбы его основателей за высшую церковную власть, их сотрудничества с властями и лояльного отношения к советскому государству; вопросы взаимоотношений григорианцев с другими церковными течениями; проблема каноничности их действий; проблемы управления и отношения к патриаршеству, наконец дискуссионный вопрос о времени окончательного ухода григорианского раскола с церковной арены. Немаловажной была и попытка исследований григорианского раскола на региональном уровне. Постановка всех этих вопросов подготовила почву и определила направления современных исследований григорианского раскола.

Список литературы

1. Кололь Т. Н. Православная Церковь Сибири в период гражданской войны // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 1997. № 1. С. 11–14.
2. Верховской С. Православие и современность (вместо предисловия) // Православие в жизни: сб. ст. под ред. С. Верховского. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 13–14.
3. Абросенко К. П. Религия на службе контрреволюции в Сибири. Иркутск: Иркутское областное изд-во, 1938. 72 с.
4. Дягилев Д. В. Церковники и сектанты на службе контрреволюции. Челябинск: Челябингиз, 1938. 24 с.
5. Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Борьба против религии – борьба за социализм / Краевой совет союза воинствующих безбожников. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. 127 с.
6. Кириченко М. Г. Свобода совести в СССР. М.: Знание, 1960. 37 с.
7. Уткин Г. Т. Православие. Краткий исторический очерк Русской Православной Церкви и ее современного состояния: материалы и методические советы для ректоров. М. 1961. 39 с.

8. Гордиенко Н. С., Носович В. И., Харахоркин Л. Р. Современное православие и его идеология. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 204 с.
9. Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг. М.: Наука, 1968. 190 с.
10. Грекулов Ф. Е. Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX – начало XX вв.). М.: Наука, 1969. 182 с.
11. Ушаков В. М. Православие и XX век. Критика модернизма и фальсификации в идеологии современной Русской Православной Церкви. Алма-Ата: Казахстан, 1968. 295 с.
12. Михалев И. Церковь в прошлом и теперь. Казань: Татарское книжное изд-во, 1962. 37 с.
13. Титов В. Е. Православие. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. 328 с.
14. Момджян Х. Н. Коммунизм и христианство. М.: Знание, 1974. 63 с.
15. Носова Г. А. Язычество в православии / отв. ред. А. И. Клибанов; АН СССР. М.: Наука, 1975. 150 с.
16. Гордиенко Н. С. Чему учат с амвона. Л.: Лениздат, 1975. 174 с.
17. Гордиенко Н. С. Православные святые: кто они? Л.: Лениздат, 1979. 267 с.
18. Гордиенко Н. С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Л.: Лениздат, 1984. 285 с.
19. Гордиенко Н. С. Новые православные святые. Киев: Украина, 1991. 334 с.
20. Православие: словарь для атеиста / под общ. ред. Н. С. Гордиенко. М.: Политиздат, 1988. 272 с.
21. Красников Н. П. Православная этика: прошлое и настоящее. М.: Политиздат, 1981. 96 с.
22. Красников Н. П. Мораль без будущего (нравственный прогресс, атеизм, религия). М.: Моск. рабочий, 1984. 93 с.
23. Красников Н. П. Русское православие: история, современность. М.: Моск. рабочий, 1988. 75 с.
24. Сухих А. А. Современное православие и наука. Киев: Выща школа, 1990. 130 с.
25. Куроедов В. А. Религия и церковь в Советском государстве. М.: Политиздат, 1981. 263 с.
26. Розембаум Ю. А. Советское государство и церковь. М.: Наука, 1985. 174 с.
27. Курочкин П. К. Эволюция современного русского православия. М.: Мысль, 1971. 268 с.
28. Гордиенко Н. С. Эволюция русского православия (20–80-е годы XX столетия). М.: Знание, 1984. 64 с.
29. Православие и современность (философско-социологический анализ) / Б. А. Лобовик, А. Н. Колодный, Н. В. Филоненко и др.; отв. ред. Б. А. Лобовик; АН УССР; Ин-т философии. Киев: Наук. думка, 1988. 336 с.
30. Политиканы от религии. Правда о «русской зарубежной церкви» / Н. С. Гордиенко, П. М. Комаров, П. К. Курочкин. М.: Мысль, 1975. 191 с.
31. Гордиенко Н. С., Комаров П. М. Обреченные: о русской эмигрантской псевдоцеркви. Л.: Лениздат, 1988. 208 с.
32. Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1970. 365 с.
33. Эйнгрон И. Д. Очерки истории и религии атеизма в Сибири (1917–1937 гг.) / ред. Л. И. Боженко. Томск: Изд-во ТГУ, 1982. 223 с.
34. Крывелев И. А. Русская Православная Церковь в первой четверти XX века. М.: Знание, 1982. 64 с.
35. Корзун М. С. Русская Православная Церковь. 1917–1945 годы. Изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения. Минск: Беларусь, 1987. 111 с.
36. Гордиенко Н. С. Современное русское православие. Л.: Лениздат, 1987. 302 с.
37. Гордиенко Н. С. Православие в советском обществе. Основные этапы эволюции // Русское православие: веки истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. С. 616–690.
38. Снычев И., митрополит. Церковные расколы в Русской церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлян-ский, викторианский и другие, их особенности и история. 2-е изд., доп. Сортавала: Изд-во Сортавальской книжной типографии, 1993. 272 с.
39. Константинов Д. В., протоиерей. Гонимая Церковь: Русская Православная Церковь в СССР / ред. А. В. Попов. М.: Ассоциация авторов и издателей, 1999. 360 с.
40. Регельсон Л. Трагедия русской церкви 1917–1945 гг. / послесловие протоиерея Иоанна Мейендорфа. М., 1996. 625 с. (Материалы по истории церкви. Кн. 15.)

Ананина А. В., магистрант.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: anasam83@mail.ru

Материал поступил в редакцию 05.12.2013.

A. V. Ananina

GREGORIAN SCHISM OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE 2ND QUARTER OF THE XX CENTURY IN RUSSIAN AND WESTERN HISTORIOGRAPHY OF THE 1930S-1990S

The article is dedicated to the analysis of Russian (Soviet) and Western historiography of the 1930s-1990s that treats the Gregorian schism in the Russian Orthodox Church in the 2nd quarter of the XX century. A conclusion about the general features of the historians' approach to investigating the Gregorian schism is made, based on the results of the analysis.

Key words: *historiography, Russian Orthodox Church, inner-church struggles, Tikhon's church, old-churchians, Gregorian schism, archbishop Grigoriy (Yatskovskiy), Patriarch's deputy, metropolitan Sergiy (Stragorodskiy).*

References

1. Kogol T. N. Orthodox Church in Siberia during the civil war. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 1997, no. 1, pp. 11–14 (in Russian).
2. Verkhovskoy S. Orthodoxy and the modern times (Instead of a foreword). *Orthodoxy in life: collected essays*. Ed. S. Verkhovskoy. New York, Chekhov Publ., 1953, pp. 13–14.
3. Abrosenko K. P. *Religion serving the counter-revolution in Siberia*. Irkutsk, Irkutsk region Publ., 1938. 72 p. (in Russian).
4. Dyagilev D. V. *Churchmen and sectants serving the counter-revolution*. Chelyabinsk, Chelyabiz Publ., 1938. 24 p. (in Russian).
5. Dolotov A. *Church and sectarianism in Siberia. The struggle against religion – the struggle for socialism*. Regional council of the militant atheist union. Novosibirsk, Sibkrazizdat Publ., 1930. 127 p. (in Russian).
6. Kirichenko M. G. *Freedom of conscience in USSR*. Moscow, Znanie Publ., 1960. 37 p. (in Russian).
7. Utkin G. T. *Orthodoxy. A short historical overview of the Russian Orthodox Church and its current state (materials and methodological advice for rectors)*. Moscow, 1961. 39 p. (in Russian).
8. Gordiyenko N. S., Nosovich V. I., Kharakhorkin L. R. *Contemporary Orthodox Christianity and its ideology*. Moscow, AN USSR Publ., 1963. 204 p. (in Russian).
9. Plaksin R. Yu. *The failure of church counter-revolution 1917–1923*. Moscow, Nauka Publ., 1968. 190 p. (in Russian).
10. Grekulov F. E. *Church, autocracy, people (2nd part of XIX – the beginning of XX cc.)*. Moscow, Nauka Publ., 1969. 182 p. (in Russian).
11. Ushakov V. M. *Orthodoxy and the XX century. The critique of modernism and falsifications in the ideology of the contemporary Russian Orthodox Church*. Alma-Ata, Kazakhstan Publ., 1968. 295 p. (in Russian).
12. Mikhalev I. *The Church in the past and today*. Kazan, Tatar Book Publ., 1962. 37 p. (in Russian).
13. Titov V. E. *Orthodox Christianity*. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1974. 328 p. (in Russian).
14. Momdzhyan Kh. N. *Communism and Christianity*. Moscow, Znanie Publ., 1974. 63 p. (in Russian).
15. Nosova G. A. *Paganism in Orthodox Christianity* / ed. A. I. Klibanov. AN USSR. Moscow, Nauka Publ., 1975. 150 p. (in Russian).
16. Gordiyenko N. S. *What they teach from the pulpit*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1975. 174 p. (in Russian).
17. Gordiyenko N. S. *Orthodox Christian saints: who are they?* Leningrad, Lenizdat Publ., 1979. 267 p. (in Russian).
18. Gordiyenko N. S. *“The Baptism of Rus”: facts versus legends and myths*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1984. 285 p. (in Russian).
19. Gordiyenko N. S. *New Orthodox Christian saints*. Kiev, Ukraina Publ., 1991. 334 p. (in Russian).
20. *Orthodox Christianity: Atheist's dictionary*. Ed. N. S. Gordiyenko. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 272 p. (in Russian).
21. Krasnikov N. P. *Orthodox Christian ethics: the past and the present*. Moscow, Politizdat Publ., 1981. 96 p. (in Russian).
22. Krasnikov N. P. *The morality with no future (Moral progress, atheism, religion)*. Moscow, Mosc. Rabochiy Publ., 1984. 93 p. (in Russian).
23. Krasnikov N. P. *Russian Orthodox Christianity: history, the present state*. Moscow, Mosc. Rabochiy Publ., 1988. 75 p. (in Russian).
24. Sukhikh A. A. *Contemporary Orthodox Christianity and science*. Kiev, Vishcha Shkola Publ., 1990. 130 p. (in Russian).
25. Kuroyedov V. A. *Religion and the church in Soviet state*. Moscow, Politizdat Publ., 1981. 263 p. (in Russian).
26. Rozenbaum Yu. A. *Soviet state and the church*. Moscow, Nauka Publ., 1985. 174 p. (in Russian).
27. Kurochkin P. K. *The evolution of the contemporary Russian Orthodox Christianity*. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 268 p. (in Russian).
28. Gordiyenko N. S. *The evolution of Russian Orthodox Christianity (20s–80s of the XX century)*. Moscow, Znanie Publ., 1984. 64 p. (in Russian).
29. *Orthodox Christianity and the present (philosophical and sociological analysis)*. B. A. Lobovik, A. N. Kolodniy, N. V. Filonenko et al.; ed. B. A. Lobovik; AN USSR. Institute of Philosophy. Kiev, Nauk. dumka Publ., 1988. 336 p. (in Russian).
30. Gordiyenko N. S., Komarov P. M., Kurochkin P. K. *Religious state-mongers. The truth about “Russian Church Abroad”*. Moscow, Mysl' Publ., 1975. 191 p. (in Russian).
31. Gordiyenko N. S., Komarov P. M. *The doomed: on the Russian emigracy pseudo-church*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1988. 208 p. (in Russian).
32. Shishkin A. A. *The essence and the critical appraisal of the renovationist schism in the Russian Orthodox Church*. Kazan, Kazan University Publ., 1970. 365 p. (in Russian).

33. Eingron I. D. *The essays on history and religion of atheism in Siberia (1917–1937)*. Ed. L. I. Bozhenko. Tomsk, Tomsk University Publ., 1982. 223 p. (in Russian).
34. Kryvelev I. A. *The Russian Orthodox Church in the first quarter of the XX century*. Moscow, Znanie Publ., 1982. 64 p. (in Russian).
35. Korzun M. S. *The Russian Orthodox Church. 1917–1945. The change in the socio-political orientation and the scientific unsoundness of the teachings*. Minsk, Belarus Publ., 1987. 111 p. (in Russian).
36. Gordiyenko N. S. *Contemporary Russian Orthodox Christianity*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1987. 302 p. (in Russian).
37. Gordiyenko N. S. *Orthodox Christianity in Soviet society. Main stages of evolution*. Russian Orthodox Christianity: historical landmarks. Ed. A. I. Klibanov. Moscow, Politizdat Publ, 1989. Pp. 616–690 (in Russian).
38. Snychev I., metropolitan. *Church schisms in the Russian church of the 20s–30s of the XX century – Gregorian, Yaroslavl', Josephian, Victorian and other, their features and history*. 2-nd ed. Sortavala, Sortavala Book Publ. 1993, 272 p. (in Russian).
39. Konstantinov D. V., archpriest. *The persecuted Church: Russian Orthodox Church in USSR*. Ed. A. V. Popov. Moscow, The Association of authors and publishers, 1999. 360 p. (in Russian).
40. Regel'son L. *The tragedy of Russian church 1917–1945*. Afterword by archpriest John Meyendorf. Moscow, 1996, 625 p. (Materials on church history. Book 15.) (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: anasam83@mail.ru